

Литературоведение

Научная статья

УДК 821.161.1.09-31

DOI 10.17223/18137083/90/4

Образ Байкала в романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова»

Наталья Николаевна Подрезова

Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия

koine@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9173-9729>

Аннотация

В романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» (1831) отражается формирование байкальского хронотопа в русской литературе. С байкальским пространством у Калашникова связаны автохтоны Сибири (буряты), разбойники и путешественники. Хронотоп Байкала вбирает в себя признаки хронотопа моря как экстремальной дороги и как двойника вечности. Время байкальского хронотопа характеризуется как экстремальное, в границах которого случаются сакральные моменты переживания вечности. Эстетизацию байкальского пространства полнее всего характеризуют категории возвышенного и величественного. Байкальский хронотоп связан с двумя типами героев, условно разделенных на «постоянных» и «временных». Рассмотрены четыре варианта аксиологических позиций, задающих ценностные ряды рассматриваемого хронотопа.

Ключевые слова

сибирская литература, И. Т. Калашников, роман «Дочь купца Жолобова», образ Байкала, байкальский хронотоп

Для цитирования

Подрезова Н. Н. Образ Байкала в романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» // Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 61–73. DOI 10.17223/18137083/90/4

The image of Lake Baikal in the novel “The Daughter of the Merchant Zholobov” by I. T. Kalashnikov

Natalya N. Podrezova

Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation

koine@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9173-9729>

Abstract

The novel “The Daughter of the Merchant Zholobov,” written by I. T. Kalashnikov (1831), reflects the formation of the Baikal chronotope within Russian literature. The Baikal space,

© Подрезова Н. Н., 2025

ISSN 1813-7083
Сибирский филологический журнал. 2025. № 1. С. 61–73
Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology], 2025, no. 1, pp. 61–73

as represented by Kalashnikov, is associated with the autochnotes of Siberia (Buryats): brigands and travelers. In this novel, emphasis is placed on the connection between the Baikal space and the Buryat ethnos. Buryats are depicted as guides for Russian travelers and adversaries of the brigands illegally occupying the Baikal region. The brigands are portrayed as purveyors of pagan ideologies concerning Lake Baikal. An aesthetic appreciation of the Baikal area is afforded to Christian travelers. The strategy of creating the Baikal landscape represents the theistic model of the world. Baikal is empowered with ethical potential within the framework of the subject of the writer's plan. The chronotope of Lake Baikal is the space of the road. At the core of the Baikal chronotope is an extreme crossing, accomplished either by land along the lakeshore or by sea. Both the natural and social extremes are highlighted in the Baikal chronotope. In addition, the chronotope of Lake Baikal incorporates maritime chronotope markers, functioning as both an extreme pathway and a representation of eternity. The temporal character of the Baikal chronotope is characterized as extreme, encompassing the sacred moments of experiencing eternity. The aestheticization of the Baikal space is best characterized by the categories of the sublime and majestic. This paper analyzes four distinct axiological perspectives, each proposing a different value system for the chronotope under examination.

Keywords

Siberian literature, I. T. Kalashnikov, novel "The Daughter of the Merchant Zholobov", the image of lake Baikal, the Baikal chronotope

For citation

Podrezova N. N. The image of Lake Baikal in the novel "The Daughter of the Merchant Zholobov" by I. T. Kalashnikov. *Sibirskii Filologicheskii Zhurnal [Siberian Journal of Philology]*, 2025, no. 1, pp. 61–73. (in Russ.) DOI 10.17223/18137083/90/4

Сегодня понятие «сибирский текст» стало предметом рефлексии ряда коллективных исследований, где уточняется объем понятия, выявляются подходы к его пониманию, вписываются новые участники: «Сибирский текст в русской культуре» [2002]; «Сибирь в контексте мировой культуры: опыт самоописания» [2003]; «Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовные измерения пространства» [2004]; «Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве» [2010]; «Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте» [2013]. Байкал в знаковом комплексе Сибири занимает особое место, являясь полностью сформировавшейся и структурированной ментальной единицей коллективного сознания, которая часто представляет Иркутск, Восточную Сибирь и Сибирь в целом в текстах массовой коммуникации и художественных произведениях наших современников [Горбунова, 2015, с. 7].

Целью данной статьи является рассмотрение художественного образа озера Байкал в романе «Дочь купца Жолобова» И. Т. Калашникова как отражения формирования байкальского хронотопа в русской литературе.

В истории русской литературы первой половины XIX в. имя Ивана Тимофеевича Калашникова неразрывно связано с сибирской тематикой. Являясь уроженцем Иркутска, он получил известность в литературных кругах благодаря изданию романов «Дочь купца Жолобова» (1831), «Камчадалка» (1833), «Автомат» (1841), повести «Изгнанники» (1834), действие которых полностью или частично разворачивалось в Восточной Сибири. Независимо от того, как оценивались художественные достоинства этих произведений, литераторы, отзывавшиеся на их публикацию, единодушно отметили ценность сибирского материала, поощряя автора и в дальнейшем открывать читателю мало знакомую часть отечества [Пушкин, 1988, с. 491; Кюхельбекер, 1979, с. 402; Некрасов, 1989, с. 133; Белинский, 1955; 1958]. Не став профессиональным писателем, обремененный чиновничьей служ-

бой в Петербурге И. Т. Калашников откликнется на этот запрос своим финальным произведением «Записки иркутского жителя» (1862), которое будет опубликовано после смерти автора и уже современными исследователями литературы осознано как «несомненный шедевр сибирской мемуаристики» [Сергеев, 1990, с. 531].

В советском литературоведении роман И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» классифицировали как краеведческий исторический роман [Богданова, 1948, с. 101–103] или исторический роман, обладающий «краеведческой точностью и достоверностью» [Очерки русской литературы Сибири, 1982, с. 271]. Причисляя Калашникова к «типичным романтикам», исследователи обращали внимание на трактовку исторической эпохи «как проявление извечной, вневременной борьбы “добра” и “зла”, в которую включен человек» [Постнов, 1985, с. 168]. Новое слово о творческом методе писателя принадлежит Н. В. Хомук [2014а; 2014б], обосновывающему принадлежность романа Калашникова к такому явлению, как сибирское барокко.

Фабула романа «Дочь купца Жолобова» строится на истории любящих молодых людей, которые, преодолевая многочисленные преграды, создают счастливый семейный союз. Калашников, выбирая Сибирь местом действия, изображает ее прошлое, восемнадцатый век, «когда много было не по нынешнему» [Калашников, 1985, с. 6]¹, подчеркивая это в подзаголовке произведения: «роман, извлеченный из иркутских преданий». Изображение стародавней сибирской жизни в целом романа акцентирует семантику самобытности сибирского уклада, его нетронутости веяниями наступающей цивилизации, размывающей уникальность территориальных традиций. В эту общую тенденцию показа Сибири как уникального явления включается и художественная репрезентация озера Байкал на разных структурных уровнях романа: в изображенном сознании героев-сибиряков; в изображающем слове повествователя и фабульных компонентах, которые могут быть осмыслены как производные байкальского хронотопа; в авторских примечаниях, комментирующих отдельные речи героев и повествователя. Охарактеризуем каждый из этих уровней.

В авторском слове, выстраивающем ряд сибирских топонимов как место действия персонажей (реки Ангара, Ушаковка, Селенга, остров Ольхон, Гусиное озеро и др.), Байкалу уделено больше всего внимания, об этом свидетельствуют многочисленные комментарии Калашникова, который, выходя за границы художественного пространства, часто дополняет изображенную сферу героев географическими сведениями.

Впервые Байкал встречается как топоним в примечании ко второй главе, где, описывая бытовые подробности жизни иркутян, автор упоминает питье карымского чая, пришедшее из традиции, существующей «за Байкалом» (с. 11). Байкал как географический объект, называемый в произведении, задает координаты, в границах которых структурируется художественное пространство романа. Западной границей изображенного пространства в романе предстает город Иркутск, где происходит завязка и развязка описываемых событий. Крайней восточной границей становятся Нерчинск и его окрестности, т. е. Забайкалье. Байкал соединяет эти две зоны пространства, оказываясь дорогой, которую дважды (туда и обратно) приходится преодолевать одному из главных героев, канцеляристу Алексею Кремневу.

¹ Далее при ссылках на это издание номера страниц указываются в круглых скобках.

Описывая движение героев в Забайкалье по Кругоморской дороге, Калашников акцентирует ее экстремальность, объясняя, что, «когда ужасные бури свирепствуют на Байкале», она является единственным доступным сообщением с Забайкальским краем, идя до Култука как «тележная», а потом превращаясь в тропинку, «способную для одной верховой езды» (с. 44–45). Из слов повествователя и авторских комментариев читателю становится известно, что и нынешнее обустройство Кругоморской дороги мало что изменило для путешествующих. Посланный в 1790 г. чиновник «для отыскания кратчайшего пути вокруг Байкала», основываясь «на внушениях и убеждениях тункинских бурят и байкальских тунгусов», которые «знают способнейшие пути через Байкальские горы, но тщательно их скрывают», предложил «нынешнюю Кругоморскую дорогу» (с. 45). Она плохо обустроена, по ней нельзя ездить в экипажах, «она поднимается на высочайшие горы и пролегает частью по вершинам, частью по бокам гранитных утесов» и кажется «подвешенною в воздухе», так как «прикреплена к горе обрубами и идет в виде извилин (en Zigzag), потому что прямой подъем по чрезвычайной крутости был бы почти перпендикулярный» (с. 45).

Автор усиливает представления об экстремальности Кругоморской дороги, наделяя эпизодических персонажей высказываниями о предстоящем пути: «Правду сказать, – говорил казак, – и дорога неблизкая. К тому же грязи, болота, леса, звери, да, пожалуй, брат, еще попадешь в наддачу в руки каторжных, так обернут как липку. Есть о чем поплакать» (с. 45). Комментируя эту реплику в примечании, Калашников поясняет, что в то время действительно дорога из Иркутска в Нерчинск «почиталась дальнейшей, нежели ныне в Москву или Петербург, и всех отъезжающих в Нерчинск, равно и оттуда, оплакивали как умирающих» (с. 45).

Дальнейшие события, произошедшие с героями на Кругоморской дороге, становятся иллюстрацией ее смертельной опасности: встреча с разбойниками, диким зверем (медведем), природные катаклизмы (буря), скатывание в пропасть. Для преодоления всех препятствий русским путешественникам требуется проводник, которым становится «ямщик-бурят», так как дорога «известна одним бурятам» (с. 45).

Первое изображение Байкала появляется при описании бурятской «сказочной деревишки» Кулдук: «Она стоит на небольшой долине, посреди гор, которые, идучи по берегам озера от востока к западу, мало-помалу стесняют его и наконец на сей долине, сходясь довольно близко между собою, образуют угол (по-бурятски кулдук), обыкновенно называемый гнилым, ибо бури, свирепствующие на Байкале, большею частью рождаются в сем углу, представляющем род воронки» (с. 40). Именно в этом чужом и опасном байкальском пространстве впервые появляется действующий герой-бурят, для которого это пространство является «своим». Первая сюжетная функция бурят в романе связана с сопровождением русских героев по Кругоморской дороге.

Важным моментом, подчеркивающим связь байкальского пространства с бурятским этносом, в романе Калашникова, становится рассказ образованного верхнеудинского воеводы о Чингисхане. Рассказ воеводы об архаической истории бурят-монголов вызван созерцанием Байкала, на горизонте которого герой различил остров Ольхон, «до которого доходил Чингисхан и в память этого поставил там на вершине одной горы большой таган и на нем огромный железный котел» (с. 206). Описывая размах завоеваний Чингисхана, воевода резюмирует: «Было время, когда прекрасные россиянки были увозимы из родного края в пустыни Монголии, дабы там коротать горькую жизнь в объятиях какого-нибудь плоско-

ногого бурята» (с. 207), связывая нити истории русских и бурят и утверждая всеобщий принцип перемен в земной жизни.

Вторая сюжетная функция бурят в романе связана с помощью русским в поимке шайки разбойников, укрывающихся в прибрежных горах Байкала. Калашников изображает антагонизм бурят как исконных насельников Байкала разбойникам, нелегально присутствующим в его окрестностях ².

На уровне изображающего слова повествователя образ Байкала дан как географическая координата, позволяющая структурировать пространство действия героев. Это пространство предстает исконно «своим» для бурят и незаконно присвоенным разбойниками. Байкальское пространство изображено как экстремальное для русских путешественников вследствие особенностей ландшафта, отсутствия цивилизации, возможной встречи с разбойниками и дикими животными. Чужая (бурятская) культура, с которой встречаются русские герои в этом пространстве, становится маркером его экзотики.

Несмотря на то что буряты в романе изображаются как исконные насельники Байкала, их представления об озере лишены экспликации, в отличие от разбойников, чьи разговоры демонстрируют представление русских обывателей о Байкале.

Именно разбойники у Калашникова предстают знатоками календарных примет и носителями мифологических представлений о Байкале. Лишенные бытовых удобств, зависимые от капризов погоды, они строят прогнозы по поведению животных («Ночь будет темная и бурная: недаром галки закружились над морем и разыгрались тюлени») и направлению дующих ветров, наделяя последние антропоморфными признаками («Ну, батюшка култук поднимается») (с. 80).

Знакомство с самым распространенным поверьем о мести Байкала, если его называют озером, автор иллюстрирует сценой реакции разбойников на реплику новенького в их рядах (Коровина), упомянувшего о своем прошлом, где он часто, занимаясь извозом, пересекал озеро.

«Через озеро, – подхватил третий. – Видно, тебе еще худо досталось. Разве не знаешь, что Байкал называется Святое море. Смотри, еще не то будет. Не нырни и сам на дно!» (с. 81). Автор комментирует эту реплику в примечании, поясняя, что так думает «простой народ в Сибири» (с. 81). Номинация озера как моря входит и в авторский текст, оказываясь закрепленной в речи повествователя, а также в официальных топонимах Иркутска, например Заморской улице, имеющей направление в сторону Байкала, или в обозначении дороги вдоль Байкала как Кругоморской.

Повышение категориального статуса озера как природного объекта (благодаря наименованию его морем) дополняется рассказами героев о его чудесах.

Один из разбойников изумляется видимыми на дне озера деревьями: «Ведь взглянешь вниз, так, кажись, сажень сто глубины, словно какой провал подле самого утеса, а на дне деревья. Чудо, подумаешь» (с. 81). Автор в примечании к этой реплике подтверждает, что «многие уверяют, что на дне Байкала, в некоторых местах около берегов, видны большие деревья», и объясняет это тем, что озеро «представляет явные признаки того, что ложе его произошло от оседа Земли при сильнейшем землетрясении» (с. 81).

² Изображению бурят в романе И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» посвящена статья: *Подрезова Н. Н.* Буряты как автохтоны Сибири в романе И. Калашникова «Дочь купца Жолобова» // Сибирский филологический журнал. 2019. № 3. С. 9–17.

К чудесам два других разбойника относят замеченные явления на Байкале, которые не согласуются с их представлениями о физических законах: «Отчего, когда сильный ветер, так валы меньше, а когда ветер меньше, так валы больше?» или «...иногда совершенная тишь, около берегов не колыхнет, а посредине моря волны так и ходят, словно полоса какая» (с. 81).

Завершает разговор о байкальских чудесах вопрос-изумление: «Нет, вот что скажите, – подхватил седьмой, – куда вода девается? Ведь шутка ли, сколько рек, больших и маленьких, впадают в это море, а вытекает-то из него, кажись, одна Ангара, да и та, брат, ведь ужась как мелка в верховье» (с. 81). В комментарии к этой реплике автор приводит географические данные об Ангаре и мнение ученого Геденштрёма, что «Ангара не может быть достаточным истоком воды, и Байкал должен иметь подземные каналы» (с. 82). Разбойников Калашников наделяет языческими представлениями о Байкале как о грозном мстящем существе, требующем к себе почтения и вызывающем чувство страха.

Иное восприятие Байкала открывается благодаря ряду положительных героев, приобщенных к письменной культуре и христианской вере (Алексей Кремнев и верхнеудинский воевода). Калашников трижды изобразил Байкал как предмет созерцания главного героя, передавая строй его чувств и размышлений. Первый байкальский пейзаж в романе появляется при попадании героя в Култук как начальную точку движения по Кругоморской дороге. Алексей, удрученный роковыми обстоятельствами жизни (разлучение с невестой, побег в Забайкалье как спасение от несправедливого наказания), наблюдает восход солнца на Байкале. Увиденная героем картина организуется как развернутая метафора ритуала царского выхода, происходящего в соответствующей его величию обстановке торжественности и роскоши. Окрашенные солнцем воды сравниваются со «златой тканью, блиставшей при колебании волн изумрудами и бриллиантами», окружавшие воду горы, «подобно великим жертвенникам, издавали курение, птицы воспевали песнь» (с. 40). Передача зрительных, обонятельных и звуковых чувствований воспринимающего в их динамике (изменение света, движение тумана, постепенное проявление горных мысов) не только создает эстетическую многомерность пейзажа, но и передает трансформацию внутреннего состояния героя. Созерцая прояснения туманного Байкала во время восхода солнца, горюющий Алексей преодолевает отчаяние и начинает страстно молиться. Величие увиденного оказывает утешающий эффект на удрученного бедами Алексея, мотивируя его обращение к Творцу, который может разогнать «туман бедствий» (с. 41).

Второе описание Байкала, открывшееся с самой высокой точки Кругоморской дороги, вершины Хамар-Дабана, оказывается вариацией мотивной системы первой пейзажной зарисовки, где всё увиденное и чувственно воспринятое («сливаясь с небом, синелись отдаленные воды Байкала»; «в бездне синелись дремучие леса»; солнце, как «золотой шар», воздух «самый чистый и благорастворенный») «возносило мысли к творцу и благодетелю человека» (с. 55). Герой ощущает «возвышенное парение духа», которое «приближало его к вечнонеизменному, вечнопокойному небу», и осознает, что он испытал редчайшие «минуты небесного блаженства, блистающего иногда в душе» (с. 55). Третья картина Байкала дана по приезду в Посольский монастырь, где в лодочной прогулке герой и его старший друг, воевода из Верхнеудинска, любят зеркальностью Байкала и мечтают о «предметах возвышенных», глядя, как «земля почти терялась из глаз, а море и небо, символы беспредельной вечности, окружали его отовсюду» (с. 206).

Величественность Байкала как двойника непостижимого неба явлена не только в состоянии умиротворяющего покоя, но и в образе устрашающей разбушевавшейся стихии. Во время лодочной прогулки в Посольской прорве герои далеко отходят от берега, и их настигает непогода: «Буря усиливалась, и валы стали расхаживать по морю. Наконец туча набежала на солнце, полил дождь, и ударил страшный ураган. Море закипело, и каждая волна, с яростию и пеною упадая на лодку, готова была ее поглотить. Лодка то вбегала как бы на вершину утеса, то стремительно повергалась в пропасть» (с. 208). Обращает на себя внимание отличие в поведении во время бури героев с христианским сознанием (Алексея и воеводы) от «простых людей» (кормчего и гребцов). Смертный ужас перед разбушевавшейся стихией отражен в репликах последних: «Ну, теперь беда!»; «Без смерти смерть!»; «Гибнем!» (с. 208). В репликах воеводы дважды звучит наставление кормчему: «Не робей!», подбадривание испугавшихся: «Не унывайте!» и утешающее утверждение: «Еще есть надежда!» (с. 208). Помимо речевой характеристики воеводы, свидетельствующей о том, что Калашников наделил его мужеством и неистощимой надеждой на спасение в самой безвыходной ситуации, автор и в слове повествователя противопоставляет поведение героев-христиан «всем», кто оказался с ними в критической ситуации: «Гибнем! – вскричали все в один голос, исключая воеводы и Алексея, который не столько думал о собственной жизни, как о жизни своего благодетеля (т. е. о воеводе. – *П. Н.*)» (с. 208). Таким образом, даже в ипостаси разбушевавшейся стихии Байкал воспринимается главным героем и его идеальным двойником (воеводой-покровителем) как включенный в общую гармонию устройства мира, где всё основано на благой воле Творца, дающего надежду на спасение. Все попытки героев сохранить управление лодкой безрезультатны, но оказавшееся рядом судно спасает их. Так, на фабульном уровне автор дискредитирует концепцию языческого фатализма (народное представление о мстительном грозном Байкале) и утверждает христианскую модель: Байкал оказывается двойником небесной силы, в пространстве которого действует спасительность христианской надежды и любви-заботы о другом (модель поведения Алексея).

Можно обозначить основные мотивы, структурирующие байкальские пейзажи: во-первых, мотив величественной гармонии, в которой есть абсолютное управляющее начало, в чьем подчинении находится весь окружающий мир; во-вторых, отражение небесного в водном пространстве (зеркальность верха и низа), осознаваемого в идеальных категориях вечности / неизменности / абсолютного покоя.

В описании Байкала в романе можно наблюдать генерализирующую стратегию создания пейзажа, при которой выделяется множество разнообразных элементов байкальского пространства (вода / волны, горы, небо, солнце, дремучие леса / тайга, туман / воздух), но все они возводятся к одной теистической модели (присутствие Творца и благость его творения). Христианское сознание главного героя постоянно эксплицируется автором по ходу сюжета и противопоставляется «ахинее» бурятской веры, где многобожие воспринимается русскими героями как недомыслие и ложное понимание мира (с. 60).

Можно выделить еще одну тенденцию восприятия Байкала, намеченную Калашниковым в изображении селенгинского купца Неудачина, который воспринимает байкальское пространство как кладовую, богатством которой сложно воспользоваться. На восхищенную реплику Алексея о «прекрасном виде», открывающемся с Хамар-Дабана, Неудачин реагирует как трезвый прагматик: «Да, батюшка Алексей Федорович, видик больно хорош! – отвечал Гаврило Васильевич

с большим равнодушием, быв из людей не самых чувствительных. – И какие леса чудесные. Жаль только, что они здесь без всякой пользы либо сгниют, либо сгорят от палу» (с. 56). Байкал как пространство несметного богатства рыбой, промысловым зверем, лесами оказался на периферии изображения в романе Калашникова. Единораз упоминается о рыбном промысле при описании реки Селенги, на берегах которой путешественники встречали «трудолюбивых и веселых рыбаков», промышлявших омуля, «рыбу, подобную сельдям, которая в осеннее время миллионами входит в Селенгу из Байкала и доставляет пищу целой Иркутской губернии» (с. 75). Кроме медведя, опасная охота на которого изображена на Кругоморской дороге, байкальская фауна не упоминается. Особенно это заметно на фоне описания Байкала, данного в «Житии Аввакума», где внимание читателя фокусируется на богатстве природного мира с точки зрения пригодности человеку: «Птиц зело много – гусей и лебедей, – по морю, яко снег, плавают. Рыба в нем – осетры и таймени, стерляди, омули и сига и прочих родов много. И зело жирна гораздо, на сковороде жарить нельзя осетрины: всё жир будет. Вода пресная, а нерпы и зайцы великие в нем, – во акиане, на Мезени живучи, таких не видел. А всё то у Христа наделано человека ради, чтоб упокоясь хвалу Богу воздавал» [Житие Аввакума, 1991, с. 51]. Безусловно, Калашников не был знаком с этим описанием озера, так как первая публикация «Жития» была сделана академиком Н. С. Тихомировым в 1862 г. [Робинсон, 1991, с. 9], через тридцать лет после выхода в свет романа «Дочь купца Жолобова».

Анализ фабульного ряда позволяет утверждать, что события на Байкале в романе Калашникова семантизируются особым образом. Например, Байкал помогает положительным героям и участвует в наказании отрицательных. Так, Наталья Жолобова, оказавшись в руках разбойников, которые везли ее в свое становище, избегает страшной участи потому, что разыгралась буря, которая разбила челнок насильников. Также буря разыгрывается в тот момент, когда жертвы разбойников нападают на своих обидчиков, оставаясь незамеченными. Смерть в Байкале уготована нескольким разбойникам, их вожаку Бузе, обремененному смертными грехами (отцеубийство, изнасилование, разбой и грабеж), и двум героям-бурятам в схватке с Коровиным, который увлекает их за собой в пропасть, но сам выплывает благодаря недюжинной силе. Герои часто подвергаются опасности утонуть, но счастливо избегают ее: наивный и могучий Коровин, по несчастью оказавшийся среди разбойников, Наталья, Алексей с воеводой, попавшие в бурю. Кардинальный поворот в судьбе главного героя также происходит на Байкале: на спасительном судне в Посольской прорве оказался губернатор, который извещает Алексея, что он оправдан и может благополучно возвратиться в родной Иркутск. Можно говорить, что Байкал в границах субъекта авторского плана наделяется этическим потенциалом.

Таким образом, объемность байкальского образа в романе Калашникова достигается за счет изображения языческих представлений о Байкале разбойников, эстетических переживаний героев-христиан при созерцании озерного пространства, этизации байкальского пространства на уровне событийного ряда, отражающего позицию основного субъекта речи (повествователя), наиболее приближенного к автору. Прямому высказыванию автора принадлежит авторитетная область научного знания, представленная в этнографических, исторических, географических сведениях в подстрочных примечаниях.

Образ Байкала в романе Калашникова свидетельствует о формировании байкальского хронотопа, который характеризуется слиянием пространственных

и временных характеристик, порождая целый ряд конструктивных элементов художественного мира произведения (тип героев, тип ситуации, ценностный ряд). Попробуем описать черты байкальского хронотопа, воплощенного в романе Калашникова «Дочь купца Жолобова» и реализующего свой поэтический потенциал в современной прозе (В. Распутин ³, Е. Гришковец ⁴, О. Ермаков ⁵ и др.).

Хронотоп Байкала являет собой пространство дороги (воплощает особый переход от одного пространства к другому). Основу байкальского хронотопа (тип ситуации) представляет экстремальный переход, который может быть наземным, по берегу озера, или по воде. В байкальском хронотопе акцентируется не только природная экстремальность – противопоставленность прежде всего цивилизации как результату комфортного присутствия человека в мире, но и социальная – возможность встречи с другой культурой, другой формой жизни.

Изображенное время в байкальском пространстве имеет свой особый ритм. Несмотря на то, что это экстремальное время труднопроходимой дороги, оно ритмично включает в себя точки «остановки» экстрима, когда героями переживаются минуты тишины, созерцания, мистического откровения (вечность / безвременье).

Аксиологическим двойником Байкала становится небо. Эстетизацию байкальского пространства полнее всего характеризуют категории возвышенного и величественного, где изумление, трепет, восторг или ужас имеют характер приобщения к чему-то безмерному и непознаваемому.

Внутренняя структура байкальского хронотопа имеет парадоксальный характер, проявляющийся в соотношении верха и низа. Небо и вода оказываются в зеркальном отношении друг к другу. Бездонность Байкала становится отражением безмерности неба. Байкал предстает как точка схождения верха и низа в пространственных координатах, во временных являет сопричастность вечности в профанном времени героев. Хронотоп Байкала включается в ряд хронотопа моря и океана, базовые признаки которого вытекают из архетипического «морского комплекса», охарактеризованного В. Н. Топоровым через ряд мотивов: пренатальный (воспринимающийся как «новое рождение», приобщающее к вечности и бессмертию); зеркальности неба и моря; смертный при восприятии дна [Топоров, 1995].

Байкальский хронотоп связан с двумя типами героев. Условно их можно разделить на «постоянных» и «временных». К «постоянным» (длительно принадлежащим его пространству) принадлежат нецивилизованные аборигены и те, кто ищет убежища от цивилизации по каким-либо причинам (разбойники, бродяги, искатели разных форм свободы). К «временным» принадлежат те, для кого он

³ Тема Байкала в творчестве В. Распутина звучит не только в публицистике автора, художественный образ байкальского пространства организует фабульный ряд в таких рассказах, как «Что передать вороне» (1981), «Век живи – век люби» (1981), «Новая профессия» (1998) и др. См.: *Подрезова Н. Н.* Феномен Байкала в художественной прозе Валентина Распутина // *Время и творчество Валентина Распутина: Междунар. науч. конф: материалы.* Иркутск: Изд-во ИГУ, 2012. С. 115–129.

⁴ Евгений Гришковец в книге «Реки» (2005) представляет Байкал как главную экзотику Сибири. См.: *Подрезова Н. Н.* Байкал в знаковом комплексе Сибири в повести Е. Гришкова «Реки» // *Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте: Материалы Междунар. науч. конф.* Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. С. 66–73.

⁵ В романе Олега Ермакова «Свирель вселенной» (1997–1999) основное действие происходит на берегах Байкала, пространство которого наделяется аксиологическим потенциалом.

не является зоной повседневности. Это тип путешественника, преодолевающего Байкал как дорогу, или паломника / туриста.

Способы восприятия байкальского пространства позволяют выделить аксиологические позиции, задающие ценностные ряды рассматриваемого хронотопа. Во-первых, языческая позиция (свойственная аборигенам и «простому народу» в романе Калашникова), где гарантия безопасности требует выстраивания особых отношений с опасной силой. Во-вторых, эстетическая позиция (образованные христиане в романе), в которой Байкал предстает образом, знаком, символом вечности, отражающей идеальную сущность. У Калашникова еще отсутствует герой, который стремится к Байкалу как месту эстетического вдохновения, встречающийся в современной литературе, но намечено его появление благодаря «чувствительному» герою – путешественнику поневоле. В-третьих, прагматическая позиция (герой-купец), утверждающая ценность Байкала как кладовой материальных ресурсов. В-четвертых, этическая позиция задает видение Байкала как справедливого судьи человеческих дел, проявленная на уровне целостной авторской концепции в романе Калашникова.

Список литературы

Белинский В. Г. Прокопий Ляпунов, или Междоусобица в России, продолжение Князя Скопина-Шуйского. Сочинение того же автора <О. П. Шишкиной> // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Из-во АН СССР, 1955. Т. 9. С. 8–12.

Белинский В. Г. Камчадалка. Соч. И. Калашникова. Второе издание. Санкт-Петербург. 1842. В тип. А. Иогансона. Четыре части // Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 13. С. 164.

Богданова А. А. Сибирский романист И. Т. Калашников // Учен. зап. Новосибир. гос. пед. ин-та. Новосибирск, 1948. Вып. 7. С. 87–120.

Горбунова Л. И. Байкал как центральный элемент концептосферы сибиряка // Вестник Том. гос. ун-та. Филология. 2015. № 1 (33). С. 5–15.

Житие Аввакума // Житие Аввакума и другие его сочинения / Сост., вступ. ст. и коммент. А. Н. Робинсон. М., 1991. С. 27–82.

Калашников И. Т. Дочь купца Жолобова: Романы, повесть / Сост. текста, коммент., послесл. М. Д. Сергеева. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985. 640 с.

Кюхельбекер В. К. Путешествие. Дневник. Статьи. Л.: Наука, 1979. 792 с.

Некрасов Н. А. Князь Курбский, исторический роман из событий XVI века. Сочинение Бориса Федорова. Четыре части. СПб., 1843. Камчадалка. Роман, сочинение И. Калашникова. Издание второе. Четыре части. СПб. // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: В 15 т. Л.: Наука, 1989. Т. 11: Книга первая. Критика. Публицистика (1840–1849). С. 129–133.

Очерки русской литературы Сибири / Отв. ред. В. Г. Одинокоев, Ю. С. Постнов. Новосибирск: Наука, 1982. Т. 1: Дореволюционный период. 605 с.

Постнов Ю. С. Исторические романы И. Т. Калашникова // Литературные очерки / Сост. Н. Н. Яновский, Б. М. Юдалевич. Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1985. С. 118–186.

Пушкин А. С. Мысли о литературе. М.: Современник, 1988. 640 с.

Робинсон А. Аввакум (личность и творчество) // Житие Аввакума и другие его сочинения. М., 1991. С. 5–26.

Сергеев М. Д. Тепло и свет идут издалека // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 504–541.

Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: Монография / Отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: СФУ, 2010. 237 с.

Сибирский текст в русской культуре: Сб. ст. Томск: Сибирика, 2003. 271 с.

Сибирское пространство в лингвистическом и культурном аспекте: Материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 2013. 253 с.

Сибирь в контексте мировой культуры: опыт самоописания. Томск, 2003. 215 с.

Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовные измерения пространства. Иркутск, 2004. 328 с.

Топоров В. Н. О «поэтическом» комплексе моря и его психофизиологических основах // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: Избранное. М., 1995. С. 575–622.

Хомук Н. В. Роман И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и сибирское барокко. Статья 1 // Вестник Том. гос. ун-та. 2014а. № 388. С. 35–41.

Хомук Н. В. Роман И. Т. Калашникова «Дочь купца Жолобова» и сибирское барокко. Статья 2 // Вестник Том. гос. ун-та. 2014б. № 389. С. 46–55.

References

Belinskiy V. G. Kamchadalka. Soch. I. Kalashnikova. Vtoroe izdanie. Sankt-Peterburg. 1842. V tip. A. Iogansona. Chetyre chasti [Kamchadalka. Op. I. Kalashnikov. Second edition. Saint Petersburg. 1842. In typ. of A. Ioganson. Four parts]. In: Belinskiy V. G. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Belinsky V. G. Comp. coll. works : In 13 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1958, vol. 13, p. 164.

Belinskiy V. G. Prokopiyy Lyapunov ili Mezhdutsarstvie v Rossii, prodolzhenie Knyazya Skopina-Shuyskogo. Sochinenie togo zhe avtora O. P. Shishkinoy [Prokopiyy Lyapunov or Interregnum in Russia, continuation of Prince Skopin-Shuisky. Work by the same author O. P. Shishkina]. In: Belinskiy V. G. *Poln. sobr. soch.: V 13 t.* [Belinsky V. G. Comp. coll. works : In 13 vols.]. Moscow, AN SSSR, 1955, vol. 9, pp. 8–12.

Bogdanova A. A. Sibirskiy romanist I. T. Kalashnikov [Siberian novelist I. T. Kalashnikov]. In: *Uchenye zapiski Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo institute* [Scientific notes of the Novosibirsk State Pedagogical Institute]. Novosibirsk, 1948, iss. 7, pp. 87–120.

Gorbunova L. I. Baykal kak tsentral'nyy element kontseptosfery sibiryaka [Baikal as a central element of the Siberian conceptual sphere]. *Tomsk State University Journal of Philology*. 2015, no. 1 (33), pp. 5 – 15.

Kalashnikov I. T. *Doch' kuptsa Zholobova : Romany, povest'* [The Daughter of the Merchant Zholobov: Novels, story]. M. D. Sergeev (Comp., comm., afterword). Irkutsk, Vost.-Sib. kn. izd., 1985, 640 p.

Khomuk N. V. Roman I. T. Kalashnikova “Doch' kuptsa Zholobova” i sibirskoe barokko. Stat'ya 1 [I. T. Kalashnikov's novel “The Daughter of the Merchant Zholobov” and Siberian Baroque. Article 2]. *Tomsk State University Journal*. 2014а, no. 388, pp. 35–41.

Khomuk N. V. Roman I. T. Kalashnikova “Doch' kuptsa Zholobova” i sibirskoe barokko. Stat'ya 2 [I. T. Kalashnikov's novel “The Daughter of the Merchant Zholobov” and Siberian Baroque. Article 2]. *Tomsk State University Journal*. 2014б, no. 389, pp. 46–55.

Kyukhel'beker V. K. *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i* [Journey. Diary. Articles]. Leningrad, Nauka, 1979, 792 p.

Nekrasov N. A. *Knyaz' Kurbskiy, istoricheskiy roman iz sobyitiy 16 veka. Sochinenie Borisa Fedorova. Chetyre chasti*. SPb., 1843. Kamchadalka. Roman, sochinenie I. Kalashnikova. Izdanie vtoroe. Chetyre chasti. SPb. *Ocherki russkoy literatury Sibiri* [Prince Kurbsky, a historical novel from the events of the 16th century. Composition by Boris Fedorov. Four parts. St. Petersburg, 1843. Kamchadalka. A novel, written by I. Kalashnikov. Second edition. Four parts. SPb.]. In: Nekrasov N. A. *Poln. sobr. soch. i pisem : V 15 t.* [Nekrasov N. A. Complete works and letters: In 15 vols.]. Leningrad, Nauka, 1989, vol. 11: *Kniga pervaya. Kritika. Publitsistika* [Book one. Criticism. Publicity] (1840–1849), pp. 129–33.

Ocherki russkoy literatury Sibiri [Essays on Russian literature of Siberia]. V. G. Odinokov, Yu. S. Postnov (Eds.). Novosibirsk, Nauka, 1982, vol. 1: *Dorevol'yutsionnyy period* [Pre-revolutionary period], 605 p.

Postnov Yu. S. *Istoricheskie romany I. T. Kalashnikova* [Historical novels by I. T. Kalashnikov]. In: *Literaturnye ocherki* [Literary essays]. N. N. Yanovskiy, B. M. Yudalevich (Comps.). Novosibirsk, Zap.-Sib. kn. izd., 1985, pp. 118–186.

Pushkin A. S. *Mysli o literature* [Thoughts on literature]. Moscow, Sovremennik, 1988, 640 p.

Robinson A. Avvakum (lichnost' i tvorchestvo) [Avvakum (personality and creativity)]. In: *Zhitie Avvakuma i drugie ego sochineniya* [The Life of Avvakum and his other works]. Moscow, 1991, pp. 5–26.

Sergeev M. D. *Teplo i svet idut izdaleka* [Warmth and light come from afar]. In: *Zapiski irkutskikh zhiteley* [Notes of Irkutsk residents]. Irkutsk, 1990, pp. 504–541.

Sibirskiy tekst v natsional'nom syuzhetnom prostranstve: Monografiya [Siberian text in the national plot space: Monograph]. K. V. Anisimov (Ed.). Krasnoyarsk, SFU, 2010, 237 p.

Sibirskiy tekst v russkoy kul'ture [Siberian text in Russian culture]. Tomsk, Sibirika, 2003, 271 p.

Sibirskoe prostranstvo v lingvisticheskom i kul'turnom aspekte: Materialy Mezhdunar. nauch. konf. [Siberian space in linguistic and cultural aspects: Materials. of the Intern. sci. conf.]. Irkutsk, 2013, 253 p.

Sibir' v kontekste mirovoy kul'tury: Opyt samoopisaniya [Siberia in the context of world culture: An experience of self-description]. Tomsk, 2003, 215 p.

Sibir': Vzgl'yad izvne i iznutri. Dukhovnye izmereniya prostranstva [Siberia: A view from outside and inside. Spiritual dimensions of space]. Irkutsk, 2004, 328 p.

Toporov V. N. O "poeticheskom" komplekse morya i ego psikhofiziologicheskikh osnovakh [On the "poetic" complex of the sea and its psychophysiological foundations]. In: Toporov V. N. *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniya v oblasti mifopoeticheskogo: Izbrannoe* [Myth. Ritual. Symbol. Image: research in the field of mythopoetic: Selected works]. Moscow, 1995, pp. 575–622.

Zhitie Avvakuma [The Life of Avvakum]. In: *Zhitie Avvakuma i drugie ego sochineniya* [The Life of Avvakum and his other works]. A. N. Robinson (Comp., intro. and comm.). Moscow, 1991, pp. 27–82.

Информация об авторе

Наталья Николаевна Подрезова, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры новейшей русской литературы факультета теоретической и прикладной филологии, кафедра новейшей русской литературы Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации ИГУ (Иркутск, Россия)
RSCI Author ID 410899
SPIN 1352-4320

Information about the author

Natalya N. Podrezova, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Modern Russian Literature, Faculty of Theoretical and Applied Philology, Institute of Philology, Foreign Languages and Media Communication, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation)
RSCI Author ID 410899
SPIN 1352-4320

*Статья поступила в редакцию 01.06.2024;
одобрена после рецензирования 26.08.2024; принята к публикации 26.08.2024
The article was submitted on 01.06.2024;
approved after reviewing on 26.08.2024; accepted for publication on 26.08.2024*